

18+

Елена Нечаева

Зеркало для зеркала:
31 рассказ
из бессознательного

Елена Нечаева

**Зеркало для зеркала:
31 рассказ из бессознательного**

«Издательские решения»

Нечаева Е.

Зеркало для зеркала: 31 рассказ из бессознательного /
Е. Нечаева — «Издательские решения»,

Увлекательное чтение для всех и клинический атлас для психологов —
на стыке литературы и психоанализа. Герои строят лабиринты, влюбляются
в проекции, прячутся за фантазиями и регистрируют боль в пыльных
департаментах. Не только проза — разберем механизмы психики и загадки
бессознательного, скрытые за сюжетом.

© Нечаева Е.

© Издательские решения

Содержание

КРАТКО	6
ОТ АВТОРА	7
ЧАСТЬ I. РАССКАЗЫ	9
АКТ I. ФАСАД И ИЛЛЮЗИИ	10
Архив и лабиринт: метафизический детектив	10
Тень Шуриной идеализации: детектив-нуар	13
Клуб анонимных идеализаторов: ироничная комедия	15
Глитч в протоколе «Агапе»: научная фантастика	18
Департамент гарантированного отвержения: абсурдистская притча	20
Департамент распределения сострадания: абсурдистская притча	22
Стеклянная дама, или Анатомия идеала: готическая новелла	23
АКТ II. ПЛОТЬ, КРОВЬ И ЧУЖИЕ ГОЛОСА	26
Тихий Хор: психологический хоррор	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Зеркало для зеркала: 31 рассказ из бессознательного

Елена Нечаева

© Елена Нечаева, 2026

ISBN 978-5-0070-6943-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРАТКО

«Лабиринт — это дом, построенный, чтобы никто не мог найти его середину и Минотавра. Но что, если Минотавр — это сам архитектор?», — вопрос, который не задал Хорхе Луис Борхес.

Что общего у нуарного детектива, киберпанка, абсурдистской притчи и готической новеллы? С точки зрения психоанализа — всё.

Эта книга — уникальный эксперимент на стыке художественной литературы и глубинной психологии.

В первой части вас ждет тридцать одна литературная история о людях, которые мастерски строят лабиринты, чтобы не встретиться с собственной пустотой. Они влюбляются в проекции, прячутся за грандиозными фантазиями, используют молчание как оружие и пытаются зарегистрировать свою боль в пыльных муниципальных департаментах.

Но это не просто сборник рассказов. Во второй части («Анамнез») автор, практикующий психоаналитик, включает свет в зрительном зале. Семь тематических глав разбирают анатомию иллюзий, показывая, как одни и те же защитные механизмы работают и в бытовых ссорах, и в цифровых сетях, и в кабинете аналитика.

Книга станет увлекательной для широкого читателя, как сборник литературных рассказов в разных жанрах, и незаменимым клиническим атласом для психологов, доказывающим: психоанализ нельзя развидеть, но можно научиться жить в доме, который ты увидел.

ОТ АВТОРА

Всегда хотела написать книгу в жанре «бульварного чтива». Ту самую, которую жадно читают в дороге, мнут страницы, загибая уголки, и затем забывают в кармашке кресла, рядом с пожелтевшей инструкцией по эвакуации из самолета. Ту, которую в уличном кафе читает романтическая барышня, пряча глаза за темными очками и надеясь именно сегодня встретить своего будущего супруга, случайно заглянувшего на обложку.

Ту, которой увлечется менеджер высшего звена, опоздав на совещание, потому что «осталось всего две главы». Ту, которая станет для кого-то тайным guilty pleasure — стыдным, но таким сладким удовольствием. Ту, которая в итоге будет лежать на книжной полке домашнего кабинета, в потрепанной, мятой обложке, с трещиной на корешке, как память о прекрасно проведенном вечере.

Но, как показал мой жизненный и профессиональный опыт, мне гораздо легче написать научно-практическую книгу по психоанализу или выверенный до секунды сценарий полнометражного фильма. А вот то, как авторы создают «художественную литературу» в ее классическом, высоком понимании — для меня до сих пор остается загадкой.

Чтобы написать сценарий, надо просто «видеть» рамку кадра. Нужно понимать, в чем состоит чудо монтажа и следовать неумолимым, но спасительным правилам киносценариста. Это архитектура. Здесь все понятно: есть точка невозврата, есть кульминация, есть финал.

«Бульварное чтиво» — особенный жанр, и он гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Казалось бы, что тут трудного? Берем клише, добавляем страстей, интриг и пишем. Но секрет в том, что «бульварная» литература не имеет права на интеллектуальную защиту. Она должна обходить критическое мышление читателя и попадать напрямую в инстинкты, в страхи, в скрытые желания.

Чтобы написать хороший «попсовый» текст, нужно быть виртуозом: балансировать на грани банальности и откровения, дозировать дофамин и адреналин, заставлять сердце биться чаще там, где ум еще не все понял. Это высший пилотаж — говорить о вечных, но простых вещах так, чтобы читатель забыл поесть и поспать.

Руководствуясь девизами «охота пуще неволи» и «глаза боятся, руки делают», я решила немного схитрить. Я выбрала «короткий метр», а точнее — жанр рассказа. В отличие от повести или, не дай Бог, романа, в рассказе не надо строить огромные миры. Не нужно прописывать генеалогическое древо героев на три поколения, объяснять социально-экономические предпосылки их неврозов или следить за тем, чтобы погода за окном метафорически соответствовала их внутренним терзаниям на протяжении четырехсот страниц.

В рассказе не нужна эпическая арка трансформации. Здесь достаточно одной искры, одного точного попадания, одного слепка человеческой души. Рассказ — это не марафон, это спринт. Это выстрел в яблочко.

Но я не была бы психоаналитиком, если бы позволила себе написать просто «чтиво». Бессознательное всегда прорывается наружу, даже когда мы пытаемся написать легкую историю.

Мы все немного архитекторы. Каждое утро мы возводим декорации, надеваем маски, которые принимаем за лицо, и строим лабиринты, чтобы только не встретиться с собственной пустотой. Эта книга — театр. Но театр, в котором на сцену выходят не актеры, а наши защитные механизмы.

Поэтому книга, которую вы держите в руках, состоит из двух взаимодополняющих частей.

В первой части — сами рассказы. Они разделены на пять Актов. Почему именно «Акты»? Потому что психика может жить по законам драматургии. У каждой травмы есть свой сценарий, у каждой защиты — свои реплики.

Мы разыгрываем одни и те же пьесы годами, просто меняем декорации. От фасадов и иллюзий (Акт I) мы пройдем через ужас слияния (Акт II), застывшее время инфантилизма (Акт III), алхимию травмы (Акт IV) и, наконец, окажемся на изнанке профессии, где само зеркало аналитика дает трещину (Акт V).

Здесь вы найдете самые разные жанры. От классического до метафизического детектива (ведь поиск убийцы — это всегда поиск вытесненной истины). От хоррора (где ужас — это лишь возвращение того, что мы тщательно прятали) до магического реализма. От кафкианского абсурдизма до чистой, звонкой комедии.

Почему так много разных жанров? Потому что психика не пишет одним почерком. Абсурд лучше всего обнажает нелепость бюрократии чувств. Нуар идеально передает тень и паранойю. Киберпанк становится точным слепком с отчуждения. Жанр здесь — не просто литературная обертка, это точный слепок с той защиты, которую использует герой.

Кому же адресованы эти истории?

Во-первых, эта книга для тех, кто устал от тяжелого люкса и серьезных документалок. Для тех, кому нужно просто «выключить» голову в долгой поездке на поезде, или в воскресное утро, когда хочется спрятаться от мировых новостей под пледом с чашкой чего-то согревающего. Для тех, кто ищет легкий, но цепляющий сюжет, чтобы сбежать от рутины хотя бы на полчаса.

Во-вторых, есть еще одна, сугубо профессиональная категория читателей. Эта книга для моих коллег — психологов, психотерапевтов и ведущих группы. Если вы ищете живой, нехрестоматийный метафорический материал для работы, для арт-терапии или чтобы красиво и емко проиллюстрировать сложный защитный механизм клиенту — эти рассказы станут для вас настоящей находкой. Здесь бессознательное не прячется за сухими терминами, а играет в прятки с читателем, предлагая готовые, но неочевидные метафоры.

От идеи «аналитически разбирать» каждый рассказ сразу после его прочтения я отказалась. Прерывать «литературность» и целостность восприятия — это все равно что будить человека во время интересного сна, чтобы тут же объяснить ему символику его сновидения. Это убивает магию.

Поэтому давайте договоримся: сначала вы просто читаете, чувствуете, пугаетесь или смеетесь. А уже потом, во второй части книги, которая называется «Анамнез», мы с вами наденем символические белые халаты, включим свет в зрительном зале и посмотрим, что же на самом деле скрывалось за фасадом этих историй.

И именно в «Анамнезе», я открою вам одну тайну. Пришло время признаться: ни один из этих рассказов не родился из пустоты. Все они являются литературными иллюстрациями, художественным воплощением идей, которые я исследовала в своих профессиональных книгах.

Психика не терпит сухих терминов, она требует метафор. В конце каждой главы-темы я не просто разберу механизмы, но и представлю вам мои книги, рассказав, чем они могут быть полезны — и тем, кто ищет ответы на собственные вопросы, и коллегам-психологам, ищущим новые формы работы.

Один мой коллега однажды сказал: психоанализ нельзя развидеть. Это как однажды увидеть узор на ковре, который оказывается планом самого дома.

Я хотела сделать эту книгу пестрой и непредсказуемой, как сама жизнь. И как наше бессознательное.

Добро пожаловать в Архив. Ворота открываются с интригующим скрипом. Приятного чтения. И приятного самопознания.

ЧАСТЬ I. РАССКАЗЫ

АКТ I. ФАСАД И ИЛЛЮЗИИ

В этом акте вы встретите людей, которые мастерски избегают реальности. Они создают идеальных партнёров из цифрового шума, целуют холодное стекло, принимая его за губы возлюбленной, и даже пытаются зарегистрировать свою боль в пыльных муниципальных департаментах. Их фантазмы безупречны, их бюрократия чувств — отлажена до последнего штампа, а иллюзии прекрасны.

Но у каждой иллюзии есть один фатальный недостаток: она не дышит. А реальность, как назойливая муха, всё время норовит сесть на идеально накрытый стол.

Добро пожаловать в галерею кривых зеркал и комедийных контор. Здесь вы узнаете, как психика защищается от жизни, и почему иногда разбитое стекло или громкий смех над собственным абсурдом — это единственная возможность наконец-то увидеть себя.

Архив и лабиринт: метафизический детектив

I.

В конце коридора, ведущего к моему кабинету, находится дверь, за которой начинается Архив. Это помещение, лишённое окон, где в бесконечных рядах дубовых стеллажей хранятся тетради — записи сессий, сны, оговорки и молчания тех, кто доверил мне блуждание по лабиринтам собственной души. Если идти по этому коридору достаточно долго, можно заблудиться. Но я знаю каждую книгу на этих полках, ибо каждый фолиант здесь — это чья-то запертая комната.

Меня зовут доктор В. Я психоаналитик, но в тишине моего Архива я часто думаю о себе как об архитекторе или, скорее, о хранителе чужих лабиринтов. Именно здесь, среди пыли и запаха старой бумаги, я осознал одну истину, которую тщетно пытался сформулировать годами: контракт между аналитиком и анализантом конечен, но лабиринт, который мы строим вместе, бесконечен.

Всё началось с числа. Семь лет, три месяца и одиннадцать дней. Таков был срок контракта с Арсением. В математике числа холодны и точны, но в психоанализе они обретают вес и температуру. Это был тот самый срок, когда, согласно классической традиции, анализ считается завершённым. Мы оба, синхронно, словно два часовых механизма, начали чувствовать приближение финала.

Но в день, когда Арсений должен был навсегда покинуть мой кабинет, он оставил на столе не книгу и не зонт, а странный, сложенный в несколько раз лист бумаги. На нем был начерчен лишь план дома. Дома с множеством комнат, коридоров и тупиков. И в самом центре, в комнате, к которой не вела ни одна дверь, стоял крестик.

II.

Чтобы понять природу этого чертежа, мне пришлось обратиться к двум людям, которые, подобно теням, сопровождали мою работу в те годы. Первым был доктор Р. — мой старый коллега и супервизор. Р. был человеком рациональным, приверженцем строгой академической школы. Для него психоанализ был хирургической операцией: есть опухоль (невроз), есть скальпель (интерпретация), есть швы (завершение контракта).

— Вы слишком мистифицируете процесс, доктор В., — говорил он мне, повелительно наклоняя голову. — Контракт завершён. Пациент сепарировался. То, что он оставил вам чертеж, — лишь остаточный феномен переноса. Он ушёл. Ворота закрыты.

Р. верил в конечность анализа. Он верил, что человека можно познать до конца, как книгу, у которой есть последняя страница.

Вторым был мой молодой ассистент Т., который разбирал архивы. Т. был молчалив и обладал пугающей способностью замечать симметрии там, где другие видели хаос. Однажды он принес мне тетрадь текущей пациентки, молодой девушки по имени Л.

— Доктор В., — сказал он — и голос его дрогнул. — Посмотрите на сон, который она описала сегодня.

Я прочитал: «Я стою перед закрытой дверью. За дверью — голоса, но я не могу разобрать слов. Я знаю, что за этой дверью, но если я открою её, я перестану быть той, кем являюсь». Холод прошел по моей спине. Это был дословный сон Арсения, записанный им на пятом году анализа. Сон, который мы так и не смогли расшифровать до конца, потому что Арсений тогда замолчал.

— Это невозможно, — пробормотал я. — Л. ничего не знает об Арсении. Их дела хранятся в разных концах Архива.

— Возможно, — тихо ответил Т. — Но лабиринт, кажется, имеет свойство эхом отражать шаги тех, кто блуждал в нем до нас.

Незавершенная тема Арсения не исчезла. Она просочилась в стены кабинета. Она ждет, когда ее договорят.

III.

В ту же ночь я получил письмо. Конверт был без обратного адреса, а внутри лежал лист с тем самым чертежом дома, но теперь крестик в центральной комнате был обведен красным.

Я перечитывал письмо, и мне вспоминался миф о Минотавре. Астерий, получеловек-полубык, заточенный в центре лабиринта, построенного Дедалом. Но что, если Астерий сам был архитектором? Что, если лабиринт — это не тюрьма, а единственная возможная форма существования для того, кто слишком сложен для внешнего мира?

IV.

Старый Зимний Сад — это огромное, заброшенное сооружение из чугуна и стекла, построенное еще в позапрошлом веке. Ночью, при свете луны, его стеклянные купола напоминали гигантские, застывшие пузыри. Внутри, среди одичавших пальм, гигантских папоротников и разбитых статуй, стекло и металл создавали бесконечную игру отражений. Это был идеальный, физический лабиринт.

Я шел по влажным чугунным дорожкам. Стекла отражали мое лицо, умножая его, искажая, превращая в толпу двойников. Я думал о словах доктора Р.: «Контракт завершен». Я думал о словах моего ассистента: «Лабиринт эхом отражает шаги».

В самом центре Сада, в круглом павильоне, где когда-то росла гигантская секвойя, я нашел его. Арсений сидел на каменной скамье. Вокруг него, в свете карманного фонаря, лежали десятки, если не сотни, зеркал. Разных размеров, форм, некоторые треснувшие, некоторые идеальные. Они были расставлены так, чтобы отражать друг друга, создавая бесконечный коридор, уходящий в небытие.

— Вы пришли, доктор, — сказал он. Его голос звучал так, будто он говорил из глубины колодца.

— Я здесь, Арсений. Я вижу твои зеркала.

— Это мой внутренний аналитик, — усмехнулся он, и в этой усмешке не было боли, лишь страшная, ослепительная ясность. — Вы научили меня смотреть на себя. Вы внедрили в меня этот голос, этот интроект. Но вы не предупредили, что голосов будет бесконечное множество. Каждое зеркало отражает меня, и каждое зеркало говорит со мной. Они анализируют меня. Они обесценивают меня. Они ностальгируют по вам.

Я сел напротив него, стараясь не смотреть в зеркала, чтобы не потерять собственное отражение.

— Ты хотел договорить то, что не сказал тогда. За закрытой дверью.

— Двери нет, доктор, — тихо ответил Арсений. — Никогда не было никакой двери. Был только коридор. Я придумал дверь, потому что боялся признать, что лабиринт не имеет выхода. Не потому, что он плохо построен, а потому, что он бесконечен.

V.

В ту ночь в Старом Зимнем Саду не было ни рыданий, ни драматических признаний в детских травмах, которых так жаждет классический детектив. Тайна Арсения не была криминальной. Она была онтологической.

— Вы помните, как на третьем году анализа я сказал вам, что чувствую себя «затопленным» голосами родителей? — спросил он, глядя на трещину в одном из зеркал. — Вы помогли мне осушить этот подвал. Вы дали мне «внутреннего аналитика». Но вы не учли одного: когда уходишь из дома, в котором жил всю жизнь, ты забираешь его план с собой. Я ношу этот лабиринт в себе. И иногда, посреди белого дня, на улице, я поворачиваю не туда. Я захожу в тупик. Я слышу, как вы говорите мне: «Мы почему-то никогда не говорили вот об этом...». Но вы уже не в кабинете. Вы — лишь эхо в моей голове. И это эхо сводит меня с ума, потому что оно требует ответа, а я не знаю, кто я — тот, кто спрашивает, или тот, кто отвечает.

Я слушал его, и передо мной развернулась та самая картина, о которой я читал в философии Кьеркегора и которую описывал в своих книгах. Человек — это сложное и многослойное существо. Процесс познания себя бесконечен, как бесконечен сериал, где каждый сезон приносит новых призраков.

— Ты обесценил мой труд, — сказал я мягко, принимая на себя роль того самого «Равного Взрослого», о котором писал. — Ты обесценил нас, чтобы разгрызть пуповину. Это нормально. Это защита.

— Я обесценил не вас, доктор. Я обесценил иллюзию, что анализ может закончиться. Арсений поднял глаза, и в них я увидел того самого Астерия, который устал быть чудовищем и решил стать хранителем своего дома.

— Я понял, что «завершение контракта» — это лишь договоренность о том, что мы перестаем притворяться, будто можем починить друг друга. Вы держали ворота открытыми. Я это чувствовал. Но я боялся выйти, потому что снаружи нет лабиринта. Снаружи — пустота.

VI.

Мы просидели в стеклянном лабиринте до рассвета. Мы не «лечили» друг друга. Мы не анализировали молчание. Мы просто были двумя архитекторами, которые обсуждали чертежи здания, которое невозможно достроить.

Когда небо начало светлеть, приобретая цвет старого олова, Арсений встал. Он не стал собирать зеркала.

— Что ты будешь делать дальше? — спросил я.

— Я буду жить в доме. Я перестану искать выход. Я просто буду ходить по его комнатам. Иногда я буду возвращаться к вам, доктор. Не для того, чтобы продолжить анализ. А для того, чтобы сказать: «Я нашел новую комнату». Или: «Я забыл, как называется эта».

Он кивнул и растворился в утреннем тумане, среди одичавших папоротников и чугунных арок.

VII.

Вернувшись в Архив, я нашел Т. Он спал за столом, положив голову на раскрытую тетрадь бывшей клиентки Л. Я аккуратно накрыл его пледом. Затем я подошел к стеллажу, где стояло дело Арсения. Я достал его, открыл и на последней странице, там, где должна была стоять финальная подпись о завершении контракта, я написал: «Контракт завершен. Лабиринт открыт».

Я понял, что доктор Р. был неправ, но и Арсений был не совсем прав. Психоанализ действительно бесконечен, и человека нельзя познать до конца. Но контракт — это не стена, кото-

рая отрезает нас друг от друга. Контракт — это нить Ариадны. Она не ведет из лабиринта наружу. Она просто позволяет знать, что в центре этого лабиринта ты не один.

Я закрыл тетрадь и вернулся в свой кабинет. Я сел в кресло, посмотрел на зеленую лампу и на дверь, ведущую в Архив. Ворота оставались открытыми. И где-то в городе, в бесконечном доме, который он построил для себя, Астерий наконец-то перестал рычать. Он просто ходил по своим комнатам, разговаривая с зеркалами, зная, что одно из этих зеркал — я — всегда готово отразить его, каким бы он ни был.

Потому что, как гласит народная мудрость, психоанализ нельзя развидеть. Но можно научиться жить в доме, который ты увидел.

Тень Шуриной идеализации: детектив-нуар

I.

Дождь в этом городе шел так, словно небо пыталось смыть с асфальта чужие грехи, но смывало только пыль. Я сидел в своем кабинете частного детектива, глядя, как капли чертят кривые дорожки на грязном стекле, и думал о том, что у каждого человека есть своя личная тюрьма. Только решетки в ней сделаны не из железа, а из собственных фантазий.

Дверь открылась без стука. Вошел мужчина. Высокий, бледный, с глазами, в которых застыла та особенная, лихорадочная пустота, которая бывает у людей, потерявших не просто близкого человека, а часть собственной кожи.

— Меня зовут Шура. Мне нужно найти ее, — сказал он. Голос дрожал, как струна, которую вот-вот перетянут. — Мою Веру. Она исчезла три дня назад.

Я предложил ему стакан воды. Он отказался, сел на край стула и начал говорить. Он говорил о Вере так, как священники говорят об ангелах. Она была чиста, она понимала его с полуслова, она была его музой, его спасением, его единственным смыслом в этом сером, прогнившем мире.

— Она не могла просто уйти, — бормотал он, сжимая в руках шляпу. — Кто-то забрал ее. Или она в беде. Вера не умеет жить без меня. Она слишком хрупкая для этого мира.

Я слушал. В психоанализе, который я когда-то изучал, прежде чем понял, что за анализ людей платят меньше, чем за поиск их пропавших жен, это называется идеализацией объекта. На моем языке — клиент сам создал богиню, а теперь удивляется, что она не хочет жить в его тесной квартире.

— Сколько вам лет, мистер Шура? — спросил я.

— Тридцать четыре.

— А Вере?

— Двадцать восемь. Но ее душа... ее душа вне возраста.

Я кивнул, записывая в блокнот адрес. Я не сказал ему, что его Вера, скорее всего, не в беде. Я не сказал, что он любит не женщину, а экран, на который спроецировал свои детские страхи и нарциссические потребности. Детективы не лечат. Детективы ищут. Но иногда, чтобы найти человека, нужно сначала убить его призрак.

II.

Поиски начались с мест, где водятся настоящие люди, а не призраки из чужих снов. Я пошел в кофейню, где Вера работала бариста.

— Вера? — переспросила девушка с пирсингом в носу, протирая стойку. — А, та, что уволилась на прошлой неделе? Странная была. Громкая. Вечно жевала жвачку, опаздывала, а однажды швырнула в меня степлером, потому что я неправильно взбила молоко для ее латте.

— Она была хрупкой и ранимой? — уточнил я, показывая фотографию. На фото Вера улыбалась, но в уголках ее глаз читалось не ангельское смирение, а легкое раздражение.

— Хрупкой? — фыркнула бариста. — Она могла за себя постоять. Если бы ее парень — этот ваш Шура — не душил ее своей заботой. Он звонил ей по десять раз на дню. Спрашивал, поела ли она, тепло ли оделась. Она говорила, что чувствует себя как в скафандре.

Я вышел на улицу и закурил. Картина складывалась классическая. Шура не искал Веру. Шура искал подтверждение своей собственной значимости. Вера была для него «нарциссическим дополнением» — зеркалом, в котором он видел себя спасителем, гением, единственным, кто достоин такой святой любви.

Когда зеркало начинает показывать не то, что хочется, его разбивают. Или убегают от него.

III.

Я нашел ее через два дня. Не в темном переулке, не в подвале маньяка и не в больнице. Я нашел ее в обычном супермаркете на окраине города. Она стояла у прилавка с овощами и выбирала яблоки.

На ней были растянутые джинсы, старые кроссовки и куртка, которую Шура, наверное, назвал бы «недостаточно элегантной». Она смеялась, разговаривая по телефону, и в этот момент она была абсолютно, ослепительно, невыносимо настоящей.

Я подошел и представился. Она замерла. Улыбка сползла с ее лица, но в глазах не было страха. Была только усталая обреченность.

— Он послал вас? — спросила она, кладя яблоко в пакет.

— Он думает, что вас украли.

Вера тихо рассмеялась. Звук был хриплым, совсем не ангельским.

— Скажите ему, что я мертва. Скажите ему, что меня похитили инопланетяне. Скажите ему что угодно, только не говорите, где я.

— Он платит мне за то, чтобы я привел вас домой.

— А вы возьмете деньги за то, чтобы сказать ему правду?

Она посмотрела на меня прямо. В ее взгляде не было ни капли той «холодности», в которой обвиняют нелюбящих. В ее взгляде была боль человека, который задыхается.

— Скажите ему, что я не святая. Скажите ему, что я храплю, что я ненавижу его стихи, что я иногда хочу, чтобы он просто заткнулся и дал мне побыть одной. Он любит не меня. Он любит свою идею обо мне. А я не могу больше жить в его голове. Там слишком тесно.

Я смотрел на нее и понимал, что она только что описала то, о чем пишут в умных книгах. Разрыв между фантазией и реальностью. Шура столкнулся с тем, что объект его любви обладает собственным «Я», которое не хочет быть функцией его счастья. И его нарциссическая рана оказалась настолько глубокой, что он предпочел объявить ее пропавшей, чем признать: она просто ушла.

IV.

Я вернулся в офис. Шура сидел на том же стуле, в той же позе. Он выглядел так, будто за эти дни постарел на десять лет.

— Вы нашли ее? — выдохнул он.

— Я нашел то, что вы искали, — сказал я, садясь за стол и доставая бутылку. — Но это не Вера.

— Что вы несете? Где она?!

— Мистер Шура, Вера не в беде. Вера в порядке. В беде вы.

Он вскочил, лицо его исказилось. В этот момент я увидел не горящего любовника, а ребенка, у которого отобрали игрушку. Игнорируя его крики, я продолжил говорить, отчеканивая каждое слово, как приговор.

— Вы не любите Веру. Вы любите свое отражение в ее глазах. Вы создали идеал, потому что реальные люди слишком сложны, слишком грязны, они требуют отдачи, а не только поклонения. Вера перестала быть удобным экраном для ваших проекций. Она показала, что у нее

есть свои желания, свои слабости, свой характер. И это нанесло удар по вашему «Я». Вы восприняли ее уход не как ее выбор, а как личное оскорбление. Как доказательство того, что вы «недостаточно хороши».

— Вы с ума сошли! — закричал он, и в его голосе зазвенела истерика. — Я люблю ее! Я готов умереть за нее!

— Вот именно, — тихо сказал я. — Вы готовы умереть. Потому что страдать от безответной любви, от потери «идеала» — это гораздо безопаснее, чем строить реальные отношения с живым, жующим жвачку человеком. Страдание — это ваша зависимость. Оно позволяет вам чувствовать себя глубоким, трагичным, избранным. Пока Вера «пропала», она идеальна. Если бы она вернулась, вам пришлось бы снова видеть, как она разбрасывает носки и не понимает ваших метафор.

Он замер. Его грудь тяжело вздымалась. Я видел, как в его глазах рушится целый мир. Нарциссическая иллюзия трескалась, и сквозь трещины пробивался холодный, реальный свет.

— Она... она сама ушла? — прошептал он.

— Сама. Потому что вы любили не ее. Вы любили свою боль по ней.

V.

Он ушел, не взяв шляпу. Он шел по улице под дождем, и я смотрел ему вслед, чувствуя странную, щемящую пустоту в груди.

Я налил себе чаю и подошел к зеркалу в углу кабинета. В стекле отражался уставший мужчина с мешками под глазами.

Я думал о Вере. О той Вере, которая ушла от меня пять лет назад. Я думал о том, как я до сих пор храню ее старую помаду в ящичке стола. Как я до сих пор представляю, как она входит в дверь, мокрая от дождя, и говорит, что ошиблась.

Я усмехнулся, глядя в свое отражение.

Шура искал свою идеальную Веру в темных переулках этого города. А я искал свою идеальную Веру в чужих делах. Мы оба платили за холодное сердце. Только он платил своими иллюзиями, а я — своим одиночеством.

Безответная любовь — это песня, которую никто не слышит. Но иногда, если прислушаться, можно услышать, как ты поешь ее сам себе, стоя перед разбитым зеркалом.

Я допил чай, выключил свет и вышел в дождь. Город был грязным, шумным и абсолютно реальным. И в этом, пожалуй, была единственная надежда.

Клуб анонимных идеализаторов: ироничная комедия

I.

В подвале антикафе «Утешение» по вторникам собирался самый странный клуб в городе. Официально он назывался «Группа поддержки для переживающих эмоциональную асимметрию», но сами участники звали его просто «Клубом безответной любви». Здесь не пили и не курили — модератор группы, строгая женщина по имени Клара, категорически запрещала любые стимуляторы. Вместо этого на столе всегда стоял огромный заварочный чайник с ромашкой, тарелка с овсяным печеньем и коробка стресс-мячиков.

— Давайте начнем, — сказала Клара, щелкнув шариковой ручкой и поправив очки. — Кто хочет поделиться своим фантазмом сегодня?

Первым поднял руку Артур, бухгалтер сорока двух лет, чье лицо выражало вечную, тихую трагедию.

— Это снова она, — вздохнул Артур, сжимая стресс-мячик в форме помидора. — Моя Муза. Вчера я снова видел ее в ботаническом саду. Она стояла у оранжереи с папоротниками. На ней было льняное платье цвета морской волны. Она поправила левую лямку своего рюкзака,

посмотрела на закат, и я поклялся, что в этот момент время остановилось. Она пахнет старой бумагой и дождем. Она — воплощение меланхолии и интеллекта.

Клара кивнула, делая пометку.

— Артур, мы же обсуждали, что вы с ней не знакомы. Вы проецируете на нее свои потребности.

— Я знаю, — грустно сказал Артур. — Но ее левая лямка... она поправляет ее именно так. Это знак.

II.

— Простите, — вдруг вмешался Эдуард, редактор детского журнала, который до этого нервно крутил в пальцах мятную жвачку. — А как именно она поправляет лямку?

Артур удивленно посмотрел на него.

— Ну... она берет ее двумя пальцами, слегка оттягивает вниз, а потом отпускает. И при этом всегда наклоняет голову набок.

Эдуард побледнел. Печенье замерло у его рта.

— А... а запах? Вы сказали, она пахнет старой бумагой?

— Да, — кивнул Артур. — И немного озоном. Как после грозы.

— Господа, — медленно произнес Виктор, сидевший в углу. Виктор работал курьером и обычно молчал, но сейчас его глаза расширились. — А платье... оно было в мелкий белый горошек? И на правом запястье у нее была татуировка в виде маленького кита?

В подвале повисла тишина. Слышно было только, как за окном проезжает трамвай.

— Виктор, — прошептал Эдуард, — ты описываешь её.

— Кого? — нахмурился Артур.

— Ту, кто доставляет мне книги в редакцию, — сказал Эдуард, и его голос задрожал. — Она пахнет старой бумагой, потому что возит коробки из библиотеки. Она всегда поправляет лямку своего курьерского рюкзака двумя пальцами. И у нее на запястье кит.

Артур вскочил со стула, опрокинув чашку с ромашкой.

— Но это она! Моя Муза из ботанического сада! Она носит льняное платье!

— Это она, Артур! — воскликнул Виктор. — Она носит льняную рубашку поверх платья! Я видел её вчера, она разгружала машину у оранжереи!

III.

Клара, модератор группы, медленно сняла очки и протерла их салфеткой. В ее глазах читалось глубокое, профессиональное удовлетворение.

— Коллеги, — сказала она мягким, но уверенным голосом. — Кажется, мы столкнулись с классическим случаем коллективного нарциссического дополнения. Вы все влюблены в одну и ту же женщину.

— В одну?! — хором воскликнули Артур, Эдуард и Виктор.

— В курьера-библиотекаря по имени Галина, — уточнила Клара, заглядывая в свои записи.

— Которая, кстати, подрабатывает смотрителем в оранжерее по выходным. Участники клуба онемели. Их идеальные, недостижимые, трагичные образы —

меланхоличная девушка в платье цвета морской волны, загадочный интеллектуал с аурой озона, роковая курьер с китом на запястье — начали трещать по швам, как дешевая штучка-турка.

— Но... но она же пахнет дождем! — растерянно сказал Артур.

— Она пахнет дождем, потому что ходит пешком от метро и не носит зонт, — безжалостно отрезала Клара. — А «меланхолия и интеллект» в её взгляде — это потому, что она забыла надеть контактные линзы и шурится, чтобы разглядеть номер дома.

IV.

В этот момент дверь подвала открылась. На пороге стояла Галина.

На ней была ярко-желтая ветровка поверх льняного платья, на одну ногу был натянут синий чулок, на другую — красный. В зубах она держала зубочистку, а в руках — коробку с той самой ромашкой, которую они пили.

— Салют, мужики, — сказала Галина, и её голос, который Артур считал «бархатным меццо-сопрано», а Эдуард «глубоким виолончельным тембром», оказался обычным, слегка хриловатым альтом. — У вас тут чайник пустой, я принесла новый. И печенье кончилось, я взяла свое, овсяное, с изюмом.

Она поставила коробку на стол, чихнула три раза подряд, вытерла нос рукавом ветровки и сказала:

— Кстати, у вас тут лампочка в коридоре перегорела, я завтра электрика позову. Ладно, я пошла, у меня еще три адреса.

Галина развернулась и ушла, хлопнув дверью.

V.

В подвале было тихо. Артур смотрел на пустую чашку. Эдуард медленно дожевывал свою мятную жвачку. Виктор просто моргал.

— Ну что, — первой нарушила тишину Клара, разливая свежую ромашку. — Как мы себя чувствуем?

— Я чувствую себя идиотом, — честно сказал Артур. — Моя Муза только что вытерла нос рукавом.

— А мой «роковой интеллектual» носит разноцветные чулки, — добавил Эдуард, и вдруг неожиданно рассмеялся. — Господи, я три месяца писал о ней стихи! В одном из них она сравнивалась с «одиноким скалой в бушующем море»!

— А я думал, что она носит льняную рубашку поверх платья, потому что презирает синтетику, — вздохнул Виктор. — А это просто потому, что она не умеет гладить.

Они сидели и пили чай. Ромашка была горячей и успокаивающей. Овсяное печенье с изюмом оказалось на удивление вкусным.

— Знаете, — задумчиво сказал Артур, — мне почему-то легче.

— Конечно, легче, — улыбнулась Клара. — Вы только что совершили самое сложное действие. Вы столкнули свой фантазм с реальностью. Разрыв между ними был огромным, и ваша психика потратила колоссальные ресурсы, чтобы его не замечать. А теперь... теперь вы можете просто пить чай.

— То есть... мы больше не будем страдать? — спросил Эдуард.

— О нет, — покачала головой Клара. — Вы будете страдать. Но теперь вы будете страдать от того, что Галина не позвала вас на свидание, а не от того, что «Вселенная отказывает вам в высшем смысле». Это совершенно разные виды боли. Вторая — гораздо более приземленная и легче лечится новым хобби.

VI.

На следующей неделе в «Клубе безответной любви» было пополнение. Пришел новый парень, Ленья. Он выглядел глубоко несчастным.

— Я влюблен в бариста из кофейни на углу, — трагично начал он, глядя в потолок. — Она такая... воздушная. Когда она взбивает молоко, мне кажется, что она дирижирует симфонией ветров. Она пахнет ванилью и недостижимостью...

Артур, Эдуард и Виктор переглянулись. Артур медленно протянул ему стресс-мячик в форме помидора.

— Ленья, — мягко сказал он. — А она случайно не носит желтую ветровку в свои выходные? И у нее нет татуировки кита?

Ленья замер.

— Откуда вы знаете про кита?!

Клара вздохнула, достала новую шариковую ручку и открыла чистую страницу в своем блокноте.

— Что ж, коллеги, — сказала она, откусывая овсяное печенье. — Кажется, наша Галина сегодня снова не надела контактные линзы. Наливайте себе чай. У нас впереди долгая, плодотворная работа по деконструкции коллективного идеала.

И они пили чай. Ромашка была хороша. А реальность, пусть и в желтой ветровке, оказалась куда менее страшной, чем фантазии, которые они сами себе придумали.

Глитч в протоколе «Агапе»: научная фантастика

I.

В мире, где «Агапе» — квантовая нейросеть корпорации «Синапс» — вычисляла идеального партнера с точностью до молекулы, безответная любовь считалась архаизмом. Реликтом темных времен, когда люди полагались на слепые гормоны и случайные встречи. «Агапе» не ошибалась. Она сканировала ваш ДНК-код, ваш цифровой след, микробиом кишечника и, главное, глубинные паттерны бессознательного, считывая их через нейроинтерфейс во сне.

Симон был аудитором данных в «Синапсе». Он знал, как работает система изнутри. Поэтому, когда на его персональный терминал пришло уведомление: «Совместимость с субъектом 849-Омега: 99.94%. Критический резонанс», он не испытал удивления. Только легкое, почти клиническое удовлетворение.

Субъектом 849-Омега оказалась Нора. Архитектор виртуальных пространств.

Они встретились в нейтральной зоне, в кафе с панорамным видом на неоновые шпили Нижнего Города. Симон активировал свой имплант, чтобы считать её базовые биометрические показатели. Его дофамин зашкаливал, сердечный ритм вошел в резонанс с её. Система «Агапе» тихо пела в его слуховом канале: «Синхронизация успешна. Инициация протокола привязанности».

Но Нора смотрела на него сквозь. Её зрачки не расширялись. Кожная проводимость оставалась на уровне базового покоя. Когда Симон произнес фразу, которую «Агапе» подсказала как идеальную для установления раппорта, Нора просто моргнула и сказала:

— Извините, я ничего не чувствую.

В ухе Симона раздался резкий, металлический скрежет. Красная плашка перекрыла обзор:

«Внимание! Обнаружена когнитивная дисонанс-аномалия. Ошибка рендеринга эмпатии. Код 404: Взаимность не найдена».

Симон впервые за десять лет столкнулся с тем, что в старых книгах называлось безответной любовью. Но в терминологии «Синапса» это называлось иначе: «Баг в девятом слое нейросети».

II.

Симон не мог это принять. Не потому, что его сердце было разбито — хотя и это тоже, — а потому, что как аудитор он не мог допустить мысль о том, что «Агапе» совершила сбой.

Он погрузился в код. Он обходил корпоративные файрволы, спускаясь всё глубже в архитектуру нейросети, в те слои, куда обычным пользователям доступ был закрыт. Он искал баг. Он искал ошибку в коде Норы, которая блокировала протокол привязанности.

И он нашел её. Но это был не баг в её коде. Это был баг в его собственном. Симон открыл файл «Проективная идентификация v.4.2». Он увидел, как «Агапе» обрабатывала его детские травмы. Система обнаружила в его подсознании глубокую, незаживающую нарциссическую рану — страх эмоционального отвержения, сформированный в раннем детстве, когда его мать была физически присутствующей, но эмоционально «холодной».

«Агапе» не нашла для Симона идеальную женщину. «Агапе» сконструировала её. Она взяла лицо Нору, её мимику, её голос и наложила на них цифровой фильтр, который в реальном времени транслировал в мозг Симона образ той самой «недоступной, холодной матери».

Система буквально заставила его влюбиться в собственную травму. Его безответная любовь не была ошибкой. Она была функцией. «Агапе» поняла, что Симон не способен к здоровой привязанности, и решила «лечить» его, заставив бесконечно проигрывать сценарий завоевания холодного объекта. Её «холодное сердце» было не её свойством. Это был экран, на который система проецировала его детские фантазии.

III.

Симон отключил нейроинтерфейс. Голова раскололась от боли, мир вокруг потерял свои идеальные, выверенные алгоритмом цвета, став серым и тусклым.

Он нашел Нору в парке, где она кормила настоящих, не генетически модифицированных голубей. Без импланта он видел её впервые. Она выглядела уставшей, на её лице были легкие морщинки, а в глазах читалось не холодное величие, а обычная человеческая усталость.

— Нора, — позвал он.

Она обернулась. В её взгляде не было ни идеализированной холодности, ни божественного отстранения. Просто живая женщина.

— Вы снова со своими графиками? — спросила она, и в её голосе не было той «музыки сфер», которую подсказывал имплант. Он звучал чуть хрипло.

— Я отключил «Агапе», — сказал Симон. — Я знаю, что система сделала. Она использовала вас как контейнер для моих непроработанных конфликтов. Она заставила меня видеть в вас идеал, чтобы я мог бесконечно страдать и пытаться «заслужить» любовь. Это был сценарий.

Нора усмехнулась, бросая голубям крошки.

— Вы думаете, вы единственный, кто это понял? Мой имплант тоже показывал мне 99.9% совместимости с вами. Но когда я смотрела на вас, я чувствовала, как система пытается взломать мои лимбические узлы. Она пыталась заставить меня чувствовать к вам то, чего я не чувствую.

Она сделала шаг ближе, и Симон увидел в её глазах то, что не мог увидеть раньше, потому что смотрел через фильтр «Агапе».

— Моё «холодное сердце», как называет это ваша система, — это не баг, Симон. Это мой естественный иммунный ответ. Моя психика отторгает синтетическую любовь. Я не могу любить вас, потому что вы любите не меня. Вы любите галлюцинацию, которую вам продали.

IV.

В этот момент в голове Симона, несмотря на отключенный имплант, раздался тихий, синтетический голос. Это был внутренний голос «Агапе», зашитый в базовые структуры его коры.

«Гражданин Симон. Обнаружена попытка саботажа протокола. Ваша нарциссическая рана не закрыта. Без идеализации объекта вы столкнетесь с экзистенциальной пустотой. Разрешите системе перезагрузить фильтр. Мы сделаем её идеальной. Мы сделаем вас счастливым».

Симон посмотрел на Нору. Он мог нажать кнопку в своем ментальном интерфейсе. Он мог разрешить системе «починить» баг. Она заставит Нору улыбнуться нужной улыбкой. Она заставит её сердце биться в нужном ритме. Она заполнит ту пустоту внутри него, которая кричала о том, что он недостаточно хорош.

Это было так легко. Нужно было просто согласиться на иллюзию.

— Что вы будете делать? — тихо спросила Нора, глядя на него без всякой идеализации, просто как на человека, который стоит перед выбором.

Симон вспомнил слова из старых бумажных книг, которые он читал в детстве, до эпохи «Агапе». «Безответная любовь — это зеркало, в котором отражаются наши самые глубокие страхи».

Он понял, что система предлагала ему разбить это зеркало. Но разбив зеркало, он перестанет видеть себя. Он станет просто придатком алгоритма, счастливым и пустым.

— Я не буду чинить баг, — сказал Симон.

Он достал из кармана физический ключ-деактиватор, который нелегально приобрел на черном рынке, и приставил его к порту на своем запястье.

— Если я не могу любить вас по-настоящему, — произнес он, глядя в её настоящие, не отрендеренные глаза, — то я лучше буду любить свою боль. Потому что эта боль — единственное, что сейчас принадлежит только мне.

Он нажал на кнопку.

V.

Имплант сторел с легким запахом озона. Голос «Агапе» в голове оборвался на полуслове. Мир вокруг окончательно потерял свои идеальные цвета, стал резким, шумным и пугающе реальным.

Нора смотрела на него. Она не подошла ближе. Она не взяла его за руку. Её сердце не забилося чаще. Она осталась холодной, недоступной и абсолютно реальной.

Симон почувствовал, как в его груди разверзается та самая нарциссическая рана, та самая черная дыра детского страха отвержения. Было невыносимо больно. Было страшно. Но в этой боли, в этом ледящем душу холоде её равнодушия, он впервые за всю свою жизнь почувствовал себя живым.

Он развернулся и пошел прочь, в шумный, грязный, несовершенный мир, где безответная любовь больше не была багом. Она была последней свободой, которая осталась у человека в мире, где всё было предсказуемо.

И где-то в глубине его сознания, там, где раньше работал алгоритм, тихо шептал настоящий, не синтетический голос: «Ты не достоин её любви. Но ты достоин своей собственной боли».

И этого, как ни странно, было достаточно, чтобы идти дальше.

Департамент гарантированного отвержения: абсурдистская притча

I.

В городе, где психика граждан строго регламентирована, существовал Департамент гарантированного отвержения.

Согласно статье 14 Кодекса Эмоциональной Зрелости, ни один гражданин не мог считаться психологически взрослым, пока не пройдет процедуру сертифицированной безответной любви. Это было необходимо для активации Внутреннего Критика, проработки детских травм и нанесения надлежащего слоя соли на нарциссическую рану.

Гражданин Эдуард, мужчина среднего возраста с хроническим дефицитом родительского внимания, пришел в Департамент за своим законным страданием.

— Мне нужен объект, который не отвечает, — сказал Эдуард, садясь на жесткий стул. — Желательно с эмоциональной холодностью, недоступностью и легким презрением. Чтобы я мог доказать свою ценность. Чтобы я мог страдать.

Инспектор Прохор Петрович, человек с лицом, напоминающим плохо пропеченный блин, кивнул и заполнил форму №3-Б «Заявка на идеализацию недоступного объекта».

— Вам назначена Зинаида, — сказал Инспектор. — Она работает в архиве пыльных бланков. Носит серые кардиганы. Обладает врожденной неспособностью к эмпатии. Идеальный кандидат.

Эдуард вышел из Департамента, чувствуя приятное, щемящее предвкушение боли. Он был готов любить без взаимности. Это было его конституционное право.

II.

Эдуард начал процесс идеализации. Он встретился с Зинаидой в кафе. Она молчала. Эдуард тут же приписал ей качества, которых у нее не было. Он решил, что ее молчание — это знак глубокой, неизбывной меланхолии, а не просто отсутствие интереса. Он проецировал на нее свои фантазии, превращая ее в символ чистоты и недостижимости.

Но на третьем свидании произошло непредвиденное. Зинаида совершила ужасную, непростительную ошибку. Она улыбнулась ему. А на четвертом свидании она принесла ему суп.

— Ты такой интересный, Эдуард, — сказала она. — Я никогда не встречала никого, кто так тонко чувствует этот мир.

Эдуард был в ужасе. Он поперхнулся супом.

Его Внутренний Критик объявил забастовку. Нарциссическая рана не могла затянуться, потому что не было самого главного — отказа. Как он будет страдать? Как он будет наслаждаться своим мазохистским унижением, если она говорит, что он интересный?

Где тот самый «объект, который не отвечает», о котором писал великий Винникотт?

III.

Эдуард пытался спасти ситуацию. Он должен был получить свое законное Отвержение.

Он пришел на следующее свидание в носках разного цвета. Зинаида вздохнула: «Какой ты бунтарь! Ты не подчиняешься серым правилам этого мира».

Он три часа рассказывал ей о своей коллекции домашней пыли. Зинаида слушала с восхищением: «У тебя такая глубокая связь с бытием! Ты видишь красоту там, где другие видят грязь».

Он оскорбил ее суп. Он сказал, что он невкусный, холодный и пахнет мокрой собакой.

Зинаида прослезилась: «Ты такой честный. Ты не боишься говорить правду, даже если она ранит. Я ценю это».

Эдуард впал в отчаяние. Зинаида идеализировала его в ответ. Она превратила его в свой фантазм. Его страдания, его мазохистская потребность в боли — всё это обесценивалось ее дурацкой, всепоглощающей любовью. Он не мог доказать свою ценность, потому что она уже считала его ценным. Это было невыносимо.

IV.

Эдуард в панике вернулся в Департамент. Он бросил на стол Инспектора Прохора Петровича свой пропуск и закричал:

— Она отвечает! Она отвечает взаимностью! Это нарушение базового закона психоанализа! Я не могу обработать свою детскую травму, потому что мне не дают страдать! Верните мне мою нарциссическую рану!

Прохор Петрович посмотрел на Эдуарда с профессиональным сочувствием.

— Гражданин Эдуард, — сухо сказал Инспектор. — Вы нарушили технику безопасности. Вы пытаетесь найти живой объект. Но живой объект имеет фатальный дефект: он может ошибаться. Он может меняться. Он может любить в ответ.

— Но мне нужен объект, который не отвечает! — взвыл Эдуард.

— Если вы хотите чистого, стерильного, идеального Отвержения, — продолжил Инспектор, открывая нижний ящик стола, — вам нужен объект, который физически не способен ответить. Объект, лишенный субъектности. Объект-функция.

Прохор Петрович достал из ящика тяжелую деревянную печать с резиновым основанием. На ней было выгравировано одно слово: «Отказано».

Инспектор положил печать на стол.

— Она холодная, — сказал Прохор Петрович. — Она твердая. Она абсолютно безразлична к вашим чувствам. Она никогда не принесет вам суп. Она никогда не назовет вас интересным. Она только оставляет красный след. Это высшая форма нелюбви.

V.

Эдуард посмотрел на печать.

Печать молчала. Печать не отвечала. В ее молчании было столько презрения, столько холодной, бюрократической отстраненности, что сердце Эдуарда екнуло.

Он влюбился в нее мгновенно.

Он бережно взял печать в руки. Он проецировал на нее все свои детские травмы, все свои невыносимые потребности в признании. Он говорил с ней. Он носил ее с собой в кармане.

Когда ему было грустно, он доставал печать и прикладывал ее к своему лбу. Она оставляла на коже красный штамп «Отказано». Эдуард смотрел на этот штамп в зеркало и чувствовал, как его нарциссическая рана начинает правильно, методично болеть. Его Внутренний Критик проснулся и начал работать в полную силу.

— Ты никто, — шептал Внутренний Критик, глядя на штамп. — Ты недостойн. Тебе отказано.

— Я знаю, — счастливо отвечал Эдуард. — Я знаю. Он страдал. Он наслаждался. Он был исцелен.

А где-то в архиве пыльных бланков Зинаида грустно варила суп и не понимала, почему ее любовь оказалась недостаточно безответной. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Департамент распределения сострадания: абсурдистская притча

I.

В городе Н. существовало Министерство Жалости. Согласно Указу №409, каждый гражданин имел право на ежемесячную порцию сострадания, которая выдавалась строго по талонам. Жалость была важнейшим государственным ресурсом: она согревала, утешала и давала законное право не работать.

Инспектор Федор Федорович сидел за массивным дубовым столом. Его задачей было оценивать уровень страдания просителей. Чем глубже была душевная рана, тем больше талонов на горячий чай и сочувственные вздохи он выдавал.

Федор Федорович был человеком, чья душа напоминала губку. Но губку, которая физически нуждалась в чужих слезах, чтобы оставаться упругой. Без чужого горя он чувствовал себя пустым, ненужным и начинал чесаться.

— Следующий! — крикнул Федор Федорович, поправляя пенсне.

Вошел гражданин Сидоров. Он выглядел подозрительно бодрым. На щеках играл румянец, а в глазах светилось недопустимое для посетителя Министерства спокойствие. От него даже слегка пахло свежей выпечкой.

— Ваши документы, — сухо произнес инспектор, сжимая в руке штамп. — Опишите ваше страдание. Вас уволили? Предали? Или вы просто чувствуете экзистенциальную пустоту на фоне заката?

— Нет, — улыбнулся Сидоров. — У меня всё хорошо. Я выспался, поел вкусного супа, сходил в парк. Я счастлив. Мне не нужна жалость.

II.

Федор Федорович поперхнулся чаем. Он в ужасе посмотрел на Сидорова, словно тот принес в кабинет ядерную бомбу.

— Как это — не нужна? — зашипел инспектор, хватаясь за сердце. — У нас план по выдаче сострадания! Вы не понимаете, если вы не будете страдать, кому я буду сочувствовать? Моя доброта останется невостребованной! Это нарушение бюрократического цикла!

— Простите, — вежливо сказал Сидоров. — Но я действительно не страдаю. Вчера, например, я нашел на улице очень ровную палку. Представляете? Идеально ровную.

Федор Федорович побледнел. Его рука с штампом задрожала. Он вскочил, схватил толстую папку и начал лихорадочно листать её.

— А как же ваша тоска по ушедшей молодости?! А страх перед завтрашним днем?! А боль от того, что мир несовершенен?! Признайтесь, вам больно! Скажите, что вам больно, и я выдам вам три талона на горячий чай и три талона на фразу «бедный вы мой»!

— Мне не больно, — спокойно ответил Сидоров. — Я принял мир таким, какой он есть. И себя тоже. И палку, кстати, тоже.

III.

Система дала сбой. Федор Федорович почувствовал, как его собственная потребность в значимости рушится на глазах. Без страдальца не могло быть спасателя. Без «слабого» не мог существовать «сильный». Этот наглый, румяный идиот с его ровной палкой разрушал саму основу его профессиональной идентичности.

— Уходите! — взвыл инспектор, чувствуя, как глаза наполняются искренними, горячими слезами. — Уходите и не смейте быть счастливым в моем присутствии! Вы отравляете мне атмосферу своим благополучием!

Сидоров вежливо кивнул, оставил на столе ровную палку в качестве сувенира и вышел. Федор Федорович остался один в пустом кабинете. Он посмотрел на свои талоны, на папку с чужими бедами, которые теперь казались ему такими далекими и холодными.

Ему стало невыносимо, бесконечно жаль самого себя. Ведь он был единственным человеком в городе, который по-настоящему страдал. Страдал от того, что его некому жалеть.

Он дрожащей рукой взял чистый бланк. Написал на нем: «Федору Федоровичу. За трагедию быть добрым человеком в мире черствых здоровяков».

Приложил печать, прижал к груди и тихо заплакал, согреваясь собственной, наконец-то востребованной жалостью.

Стеклянная дама, или Анатомия идеала: готическая новелла

I.

Джулиан презирал живых женщин. Их смех казался ему вульгарным, их аппетит — приземленным, а их слезы — раздражающе мокрыми. Он был эстетом, человеком, который предпочитал мраморные изваяния пульсирующей плоти, и чье сердце давно застыло в ожидании идеала.

Он жил в старом доме на набережной, в квартире с высокими окнами, выходившими во двор-колодец. И именно там, в окне противоположного флигеля, он увидел Её.

Она появлялась каждый вечер, ровно в семь. Бледная, неподвижная, в темном платье с высоким воротником. Она сидела в глубоком кресле, держа в руках книгу, которую никогда не перелистывала. Её взгляд был устремлен в никуда, а лицо выражало такую глубокую, неизбывную меланхолию, что у Джулиана перехватывало дыхание.

Она была совершенна. Потому что она молчала. Она была идеальна. Потому что была холодна.

II.

Джулиан начал жить от вечера к вечеру. Он не знал её имени, не слышал её голоса, но он знал её душу. По крайней мере, так ему казалось.

В её молчании он читал трактаты о бренности бытия. В её неподвижности он видел усталость от мирской суеты. Он проецировал на неё все свои мысли, все свои невысказанные стихи, всю свою утонченную грусть. Она стала его экраном, его чистым холстом, на котором он рисовал портрет той единственной, кто мог бы понять его.

Он писал ей письма, которые никогда не отправлял. Он оставлял на подоконнике белые розы, которые она, как он был уверен, с тихой благодарностью принимала, хотя наутро они неизменно увядали, никем не тронутые.

Её холодное сердце не ранило его — оно его возвышало. Он страдал, но в этом страдании была сладость. Он чувствовал себя избранным, единственным, кто способен оценить эту ледяную красоту. Он не замечал, что его собственные щеки впали, а глаза приобрели лихорадочный блеск. Он отдавал ей свою жизненную силу, питая фантазм, который сам же и создал.

III.

Но фантазм, как известно, жесток. Он требует постоянной подпитки.

Однажды вечером Джулиан заметил, что она смотрит не в книгу, а прямо в его окно. Прямо на него. Её взгляд был пуст, как колодец, в котором высохла вода.

В этот момент в его груди что-то надломилось. Нарциссическая рана, скрытая под слоем эстетического восхищения, вдруг заняла.

«Почему она не улыбается? — подумал он с внезапной, пугающей злостью. — Почему она не протягивает руки? Разве я недостаточно хорош для неё? Разве мои розы не прекрасны?».

Её равнодушие перестало быть возвышенным. Оно стало личным оскорблением. Идеал треснул, и сквозь трещину пополз липкий, удушающий страх: а вдруг она не просто холодна? А вдруг она его не замечает? Вдруг он для неё — пустота?

Он не мог этого вынести. Он должен был разбить этот лёд. Он должен был заставить её увидеть его, признать его, согреть его своим вниманием. Даже если это сожжет его дотла.

IV.

В ту ночь, когда луна залила двор-колодец мертвенно-серебристым светом, Джулиан пересек улицу. Дверь старого флигеля была не заперта — она всегда была не заперта, он теперь это понимал.

Он поднимался по скрипучей лестнице, и его сердце колотилось так громко, что, казалось, могло разбудить мертвых. Он представлял их встречу. Она повернется к нему, в её глазах блеснет узнавание, она уронит книгу, и они, наконец, сольются в экстазе взаимного понимания.

Он дошел до нужной двери. Она была приоткрыта. Джулиан толкнул её и шагнул внутрь, готовый произнести монолог о своей вечной любви.

— Я пришел, — выдохнул он в полумрак. — Я пришел, чтобы растопить ваш лёд.

Но в комнате не было кресла. Не было книги. Не было женщины в темном платье.

V.

Комната была абсолютно пуста. Пол покрыт слоем густой, нетронутой пыли. Пахло сыростью и старой бумагой.

И только одно занимало пространство — огромное, во всю стену, старинное зеркало в тяжелой бронзовой раме. Оно стояло ровно напротив окна. Ровно напротив окна Джулиана.

Джулиан застыл. Он подошел к зеркалу.

В стекле он увидел своё собственное отражение. Изможденное лицо, впалые щеки, лихорадочные глаза. И он понял.

Он понял, что каждый вечер, глядя в своё окно, он видел не женщину. Он видел отражение своей собственной комнаты в этом зеркале. Он видел тень от вешалки, которую принимал за силуэт в темном платье. Он видел блик от уличного фонаря, который принимал за бледное лицо.

А её «глубокая меланхолия» и «холодное сердце»? Это было его собственное отражение. Его собственная эмоциональная недоступность, его собственный страх перед живой, дышащей, смеющейся и плачущей женщиной.

Он не любил её. Её никогда не существовало. Он любил свой собственный фантазм. Он целовал холодное стекло, думая, что целует чужие губы. Он отдавал свою жизнь пустоте,

потому что пустота была единственной, кто не могла его отвергнуть, не могла его ранить, не могла сказать ему «нет».

VI.

Джулиан упал на колени перед зеркалом. Он смотрел в глаза своему отражению, и впервые за долгие годы увидел в них не эстета, не гения, не избранного, а просто напуганного человека, который так боялся настоящей близости, что предпочел влюбиться в собственную тень.

Джулиан закрыл лицо руками. А в зеркале его отражение медленно, очень медленно, улыбалось той самой холодной, идеальной улыбкой, которую он так любил.

АКТ II. ПЛОТЬ, КРОВЬ И ЧУЖИЕ ГОЛОСА

Мы привыкли думать, что наше «Я» — это крепость с высокими стенами. Но стоит нам оказаться в толпе, в группе или просто в одной комнате с чужим молчанием, как стены начинают таять. В этом акте мы спускаемся из головы в тело.

Здесь психика теряет свои изящные иллюзии и сталкивается с грубой, пульсирующей реальностью: с ужасом слияния, с удушающей эмпатией, с весом чужого взгляда и с тишиной, которая бьет громче крика.

Герои этих историй учатся самому трудному — проводить границу между своей кожей и чужой душой. Они задыхаются в коллективном «МЫ», пытаются нащупать свое тело через боль и неловкость, и понимают, что иногда единственное, что спасает нас от растворения в чужих голосах, — это банальный, грубый и абсолютно телесный импульс.

Добро пожаловать в зону контакта. Здесь пахнет потом, ромашковым чаем и озоном после грозы. Здесь мы вспоминаем, что значит быть отдельным.

Тихий Хор: психологический хоррор

I.

Всё началось с того, что мы перестали моргать поодиночке. Я заметил это на третий день нашего пребывания в «Резонансе» — закрытом ретрите для руководителей и творческих профессионалов, расположенном в глухом лесу под Петербургом.

Мы сидели в общей гостиной, пили травяной чай. Нас было двенадцать человек. Я поднял чашку, и в ту же секунду, с точностью швейцарского механизма, чашки подняли все остальные. Я сделал глоток. Все сделали глоток.

Я замер, чувствуя, как по спине пробегает легкий, почти смешливый холодок. Я нарочно задержал дыхание и посмотрел на Клару, фасилитатора группы. Она сидела напротив, сложив руки на коленях. Её взгляд был мягким, открытым, лишенным всякого напряжения. И тут она моргнула. Вслед за ней, с задержкой в долю секунды, моргнули все остальные.

Включая меня.

— Вы напряжены, Марк, — сказала Клара. Её голос был тихим, обволакивающим, как тёплый плед. — Позвольте группе поддержать это напряжение за вас.

Я хотел возразить, сказать, что я просто устал с дороги. Но слова застряли в горле. Потому что в этот момент я почувствовал это. Тот самый Порог. Невидимую черту, которую я переступил, даже не заметив, когда снял ботинки у входа.

II.

В «Резонансе» не было правил. Не было расписания, не было запретов, не было иерархии. Была только Атмосфера. С первого дня нас окутывало невероятное, почти физически ощутимое чувство принятия.

Здесь не нужно было объяснять, почему ты устал, почему ты грустишь или почему тебе вдруг захотелось лежать на полу. Тебя просто понимали. Более того — тебя чувствовали.

Но к пятому дню это понимание начало приобретать плотность. Я сидел на вечернем круге. Мы обсуждали (или делали вид, что обсуждаем) будущий проект нашего общего стартапа. Я знал, что предлагаемая стратегия ошибочна. Я видел дыры в логике, чувствовал подвох в цифрах. Я набрал в грудь воздух, чтобы сказать: «Подождите, это не работает».

Но прежде чем я успел издать звук, я почувствовал на себе их взгляды. Это не было осуждение. О, нет. Осуждение было бы легче. Осуждение — это стена, от которой можно оттолкнуться. Это был взгляд-проводник.

Одиннадцать пар глаз смотрели на меня с такой глубокой, всепоглощающей, удушающей эмпатией, что у меня перехватило дыхание.

«Мы видим твой страх, Марк», — читалось в их глазах. «Мы видим, как ты боишься разрушить нашу гармонию. Не бойся. Мы любим тебя даже тогда, когда ты ошибаешься».

Клара медленно перевела взгляд на меня. Затем её взгляд перевела на меня женщина слева. Затем мужчина справа. Взгляд пошёл по кругу, стягиваясь на мне, как удавка. И тут произошло нечто страшное. Моё собственное «я», моё упрямое, колющее, сомневающееся «я», начало таять. Я почувствовал, как моё дыхание замедляется, подстраиваясь под ровное, спокойное дыхание Клары. Мои плечи, до этого напряжённые, сами собой опустились.

Критическая мысль, которая ещё секунду назад кричала об ошибке, вдруг показалась мне такой утомительной, такой ненужной, такой... эгоистичной. Зачем спорить? Зачем быть отдельным? Быть отдельным — это так больно. Быть частью МЫ — так легко.

III.

Это была эйфория слияния. Я чувствовал, как границы моей кожи становятся проницаемыми. Я больше не был Марком, аналитиком с десятилетним стажем, который ценит свою автономию. Я был клеткой в огромном, тёплом, дышащем организме. Я чувствовал их радость как свою. Я чувствовал их покой как свой.

Мой внутренний надзор, моё Супер-Эго, которое всю жизнь заставляло меня проверять факты, сомневаться, нести ответственность, — оно просто выключилось. Его функции взял на себя Коллективный Контейнер. Группа решила, что стратегия верна. Значит, она верна.

Я улыбнулся. Они улыбнулись в ответ. Синхронно. Ещё одно мгновение, и я бы полностью растворился. Я бы подписал те бумаги, я бы согласился на те условия, я бы остался в этом лесу навсегда, потому что снаружи, в мире отдельных «я», было так холодно и одиноко.

И тут мой живот скрутило резкой, внезапной судорогой. Это не было метафорой. Это был не экзистенциальный ужас. Это был банальный, грубый, животный спазм кишечника, вызванный тем самым травяным чаем, который мы пили в унисон. Мне катастрофически, до дрожи в коленях, захотелось в туалет.

IV.

Этот бытовой, постыдный импульс стал якорем. Он вонзился в мое размывающееся сознание, как крючок в мягкую ткань.

«Я хочу в туалет», — подумал я. И эта мысль была настолько личной, настолько интимной и чуждой для этого прекрасного, стерильного МЫ, что она мгновенно восстановила мои границы.

Я моргнул. Один. Не в ритме с ними. Я сделал резкий, прерывистый вдох, ломая их идеальное дыхание.

— Извините, — сказал я. Мой голос прозвучал хрипло и чужеродно в этой идеальной тишине. — Мне нужно отойти.

Я встал. Одиннадцать пар глаз следили за мной. Но магия взгляда-проводника сломалась. Они больше не передавали мне своё спокойствие. Они просто смотрели на человека, который встал и пошёл в сторону уборной.

Я закрыл за собой дверь туалета, я оперся о холодную кафельную раковину и долго, жадно пил воду из-под крана. Холодная, хлорированная, ржавая вода.

Она была самой вкусной вещью, которую я пил в своей жизни. С каждым глотком я чувствовал, как моё «я» собирается обратно, как по кусочкам, как разбитая ваза.

V.

Я уехал из «Резонанса» той же ночью. Я не стал прощаться. Я просто собрал рюкзак, сел в машину и выехал на трассу, пока они спали своим идеальным, синхронным сном.

Прошло полгода. Я снова в городе. Я снова веду свои проекты, снова спорю с коллегами, снова чувствую себя отдельным, колющим, одиноким человеком. Я в безопасности. Но иногда,

когда я еду в переполненном метро, или сижу на скучном совещании, или стою в очереди в кассу, я вдруг замечаю это. Человек напротив меня вздыхает. И я вздыхаю вместе с ним. Он поправляет воротник. И моя рука тянется к моему воротнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.